

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 337-347. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.337
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Kazakh Traditional Village in the Works of Russian Scientists (late XIX – early XX century)

Nursan Alimbay ^{a,*}, Gulmira U. Orynbayeva ^a

^a Central State Museum, Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Kazakhstan

Abstract

The traditional Kazakh village of the nomadic mode of life functioned as a structure-forming "block" of the community – the main form of self-organization of the ethnic group, the process of reproduction of conditions and means to a normal existence in pre-industrial society. Unsurpassed sources for the study of the traditional Kazakh village, its economic, social and cultural life are the studies of pre-revolutionary Russian authors – scientists, government officials, etc.

These works, written by highly skilled specialists of their time, provide diverse and extremely important information that helps modern historians restore the picture of the life of nomadic and semi-settled Kazakhs in that post-reform period (late XIX – early XX century). At the same time, the most representative sources giving a complete picture of the life of the nomadic village among the Kazakhs are, undoubtedly, the published results of the statistical commissions researching the territory of Kazakhstan ("Materials on Kyrgyz Land Use..." and others).

Therefore, more attention was paid to this particular group of sources. Published materials of expeditions organized by the royal administration in the second half of the XIX century – the first decade of the XX century, contain well-organized statistical information and very serious analytical materials on such key indicators of Kazakh society as "social structure", "property relations" about land use in nomadic environment, mediated by ownership of livestock, "subsistence system", "traditions (methods and strategy) of environmental management", "relationships with alien population", "dynamics of the political structure of nomadic society in the historical context", etc.

Keywords: Russian sources, Materials on Kyrgyz land use, Kazakhs, nomadic cattle breeding, farming, industries, districts, changes.

1. Введение

Проблема кочевой общины до сих пор относится к области догадок и предположений. Одна из причин такой историографической ситуации – это неизученность ее системообразующего компонента – казахского аула, являющегося основной производительной силой в общине-социуме (Алимбай, 2018: 47) и универсальной единицей традиционного казахского поселения; община-социум включала в себя обычно несколько социальных организмов – аулов-поселений (Ажигали, 2002: 155). В условиях кочевого образа жизни казахский аул являлся первичной формой организации процесса воспроизводства условий и средств к нормальному существованию, а также личности общинного типа («коллективная личность»).

Российские источники являются основными при изучении истории и этнографии казахов в дореволюционную эпоху. Однако, несмотря на особую ценность работ российских дореволюционных авторов о казахах, они продолжают оставаться преимущественно малознакомыми широкому кругу исследователей. Кроме того, в среде этнологов случаются даже попытки принизить значение публикаций колониального периода как искаженных и неадекватных казахской действительности (Ажигали, 2009: 189–190).

* Corresponding author

E-mail addresses: orinbaevag@mail.ru (N. Alimbay)

Исследованием трудов российских авторов, освещавших жизнь и быт казахов в дореволюционную эпоху, занимались и продолжают заниматься специалисты в области истории Казахстана нового времени и этнографии казахов. Анализ российских источников на тему социально-экономического устройства традиционного казахского социума содержится в трудах многих исследователей, к примеру, таких, как С.Е. Толыбеков (Толыбеков, 1971), Н.Э. Масанов (Масанов, 2011), В.П. Курьлев (Курьлев, 1998) и др. При всей востребованности в исторической науке Казахстана указанной группы источников изучение казахского минимального поселения – аула как системообразующего компонента и основной производительной силы казахской общины-социума – не производилось. Актуальность темы, таким образом, обусловлена необходимостью изучения трудов дореволюционных российских авторов в качестве источников исследования жизни традиционного казахского аула – первичной общины, как основного механизма функционирования кочевничества.

2. Материалы и методы

Как уже отмечалось выше, в условиях кочевого образа жизни именно казахский традиционный аул функционировал в качестве основной производительной силы в общине-социуме. В целях историко-этнографического и теоретического обоснования данного ключевого положения исследования будут использованы структурный, функциональный и контекстуальный методы, которые вкупе с другими «сопутствующими» приемами работы с источниками способствуют созданию эффективной системы доказательств. При этом преимущественно используется функциональный метод, призванный «отыскать» такие системообразующие элементы изучаемого объекта, которые характеризовались бы четко выраженной функциональностью. Именно благодаря данному методу удалось выявить внутренние механизмы функционирования социума, которые действовали в качестве основных производителей практически всех видов материальных и духовных благ в общине. Также используемый в процессе реализации проекта контекстуальный метод, в свою очередь, предполагает применение факторного анализа, призванного определить комплекс как объективных, так и субъективных факторов-причин изменений в структуре общинных отношений в кочевой среде в послереформенный период (со второй половины XIX до начала XX вв.).

Предварительная камеральная обработка и источниковедческая экспертиза указанного корпуса источников показали, что степень верифицируемости извлеченных данных находится в прямой зависимости от предметно-тематически заданной причинно-следственной коррелируемости всех без исключения типов и видов источников между собой. И это является основополагающим условием обеспечения репрезентативности оперируемых данных. С этой точки зрения так называемая приоритетность того или иного вида (типа) источников чревата принципиальной невозможностью создать теоретически и логически четко верифицируемую источниковую базу изучения вопроса. Даже преимущественное использование отдельных видов источников эффективно лишь в той мере, в какой их данные коррелируются и корректируются с соответствующими данными других источников.

3. Обсуждение и результаты

Дореволюционное казахское поселение-аул, его хозяйственная жизнь, социальное устройство, традиционная материальная и духовная культура широко представлены на страницах трудов российских интеллектуалов дореволюционного периода: ученых, экономистов, агрономов, статистиков, историков, этнографов, а также чиновников, путешественников и т.д. На наш взгляд, наиболее репрезентативными источниками, дающими полное представление о состоянии кочевой общины у казахов, являются, бесспорно, опубликованные итоги работ статистических комиссий, исследовавших территорию Казахстана («Материалы по киргизскому землепользованию...» (или МКЗ) и др.) (казахов до 1925 г. называли киргизами). Поэтому большее внимание было уделено именно этой группе источников. При этом необходимо отметить, что работ российских дореволюционных авторов по нашей теме имеется неизмеримое количество, поэтому, учитывая, что невозможно «объять необъятное», мы осветили небольшую часть источников, отличающихся репрезентативностью, дающих полное и исчерпывающее представление о жизни кочевого казахского аула в определенный нами период.

Одним из таких источников-исследований является труд «Киргизский народ в прошлом и настоящем», в котором автор подводит итоги работы экспедиции по исследованию степных областей, проводимых под началом Ф.А. Щербины в 1896–1901 гг. Позже, в 1909–1913 гг., П.П. Румянцев сам возглавит статистическую экспедицию в Семиреченскую область. Источник представляет интерес, так как посвящен проблеме «социально-экономического состояния киргизского (т.е. казахского – авт.) народа», изучив который, необходимо было, с точки зрения автора, решить вопрос о землеустройстве кочевых казахов.

П.П. Румянцев отмечает, что правительственные издания неизменно констатируют наличие серьезного экономического и социального неравенства среди казахского населения (Румянцев, 1910: 5). Сначала сильные родовые группы, а затем богатые и влиятельные общинники упрочили за собою в больших размерах пастбищные угодья за счет более слабой как по родовым связям, так и по

экономическому обеспечению части кочевого населения (Румянцев, 1910: 6). Власть в родовой общине, по мнению автора, от родоначальников перешла к богатым ее представителям, что также являлось веянием времени.

Согласно источникам, жизнь в казахских общинах в этот период подвергалась значительным необратимым изменениям под влиянием проводимых правительством землеустроительных работ (Румянцев, 1910: 7).

П.П. Румянцев оспаривает тезис о существовании в этот период у казахов родовой аристократии, пользующейся экономическими и социальными привилегиями. Он рассказывает о реформах царского правительства, хотя и достаточно осторожных, но в то же время не могших не влиять на жизнь казахских общин (Румянцев, 1910: 10).

Автор, подытоживая изложенную им историю казахского народа, подчеркивает, что после введения Степного положения уже нет истории казахов, а есть «история жизни сельских обывателей-инородцев России» (Румянцев, 1910: 34). Однако, на наш взгляд, и на это указывают другие источники, население казахских степей, конечно же, подвергаясь изменениям, продолжало существовать в системе прежних кочевых родовых общин, сумев адаптировать указанные реформы под свою жизнь.

П.П. Румянцев акцентирует внимание на происходящих в казахском обществе переменах. Прежде политико-административных реформ, по его мнению, «бесповоротно перестраивали социальные отношения киргизского народа новые хозяйственные условия, победоносно вторгнувшиеся в степь и быстро подчинившие ее себе» (Румянцев, 1910: 36).

Экономическую жизнь казахов в этот период, по мнению П.П. Румянцева, предопределили такие факторы, как колонизация степи русскими переселенцами, быстрое развитие торговых отношений с Россией, ускоренное строительство железной дороги. В результате натуральное скотоводческое хозяйство кочевников-казахов стало превращаться в товарно-денежное, среди них начался процесс оседания и распространения земледелия. Прежние родовые и социальные отношения стали себя изживать вследствие распространения в степи капитализма, положившего начало новому классовому делению среди казахов. Эти процессы замечены всеми российскими исследователями, отмечает П.П. Румянцев, в том числе и авторами такого значительного исследования, как «Материалы по киргизскому землепользованию...», составленные в результате экспедиций по степным областям под руководством Ф. Щербины.

Также автор отмечает, что 96,3 всех казахских хозяйств 10 уездов степной полосы стали употреблять в пищу, а отчасти и на корм скоту, хлеб. Дело в том, что прежде хлеб не был свойственен культуре питания кочевых казахов. Теперь же, как утверждает П.П. Румянцев, процент употребляющих хлеб в пищу приближается к 100. Процент же сеющих хлеб казахов – 46,3. На каждое сеющее казахское хозяйство приходилось в среднем 1,4 десятин посева. Промыслами же занимались 33,1 % всех хозяйств. Таким образом, как указывает исследователь, хотя скотоводство продолжало оставаться главным занятием и источником существования казахов, при этом значительно возросла роль земледелия и промыслов. Более активно неополвное земледелие, сенокосение, промыслы распространялись среди казахов в северных, прииртышских (Омский, Павлодарский уезды) и в Устькаменогорском уезде, т.е. с высоким процентом переселенческого населения (Румянцев, 1910: 38).

По сведениям П.П. Румянцева, в 50-х годах XIX в. прекратились крупные передвижения киргизских родов по степи, и они стали прикрепляться к определенным местам, хотя зачастую отдельные части родов и хозяйства продолжали менять места своих зимних и летних кочеваний (Румянцев, 1910: 54). Родовые группы устанавливали за собой право пользования определенным кстау (зимовкой), но уже границы прилегающей территории не могли быть определены с точностью; еще в большей мере относится это к весенне-осенним пастбищам – кузеу, которые менялись в зависимости от наличия в данный год воды и других условий; места же летних кочевок – джайлау – в основном продолжали оставаться общими (Румянцев, 1910: 55). Автор отмечает, что в землепользовании казахов происходят изменения: от родовой общины кочевники переходят к земельно-соседской (Румянцев, 1910: 56).

П.П. Румянцев обращает внимание на то, что Ф.А. Щербина, руководитель экспедиции в степные области Казахстана, отмечал падение среди казахов обычая гостеприимства (Румянцев, 1910: 58), что также свидетельствует о разложении кочевого образа жизни, диктовавшего необходимость предоставления крова и пищи любому путнику.

Выдающийся казахский политический и общественный деятель, ученый-экономист и этнограф А.Н. Букейханов также принимал участие в многочисленных государственных статистических обследованиях и являлся автором ряда статей, опубликованных по итогам этих экспедиций. В работе «Киргизы» он говорит о широком распространении земледелия среди казахов в начале XX века. Как автор пишет, по данным статистики, земледелием занимались на тот момент 63 % казахских хозяйств, однако главным занятием казахов все же продолжало оставаться скотоводство. Далее он указывает, что все казахи жили 8–10 месяцев в году в зимний период оседло на одном месте и только лишь незначительная часть казахского населения продолжала жить зимой в юртах в полосе Голодной степи, перекочевывая с места на место. Размеры «кыстау» варьировались в зависимости от природных условий уезда: в его величине, как указывал ученый, как бы фиксируется

производительность пастбища и покоса. Там, где покос сена давал возможность извлечь из почвы больше, нежели оставлять скоту на подножный корм, размеры кыстау возрастали.

На Тарбагатае (Зайсанского уезда), Чингистау (Семипалатинского уезда) и в Голодной степи (юг Каркаралинского, Акмолинского уездов) величина зимних пастбищ «кыстау» понижалась до 2 и даже до 1 хозяйства. В пойменных же лугах Иртыша, Ишима, Нуры величина казахского поселения доходила до 20, 30, 50 и даже 80 хозяйств, приближаясь, таким образом, к размерам достаточно большого русского крестьянского поселка. Казахское «кыстау» представляет собой, пишет источник, подобно крестьянской сельской общине, элементарную земельную единицу. Важнейшие угодья – покосы на севере, запасные, охраняемые на черный день пастбища – «корык» на юге, и овечьи пастбища, так называемый «койболик», – находятся в исключительном пользовании и владении зимнего аула-поселения «кыстау». Закон считал эти угодья, как и все земли Казахской степи, казенными, предоставленными лишь в пользование кочевников; но это, однако, нисколько не мешало, замечает автор, казахскому населению арендовать, дарить, завещать, продавать друг другу покосы, «корык» и овечьи пастбища. В горах Тарбагатай, Чингистау и другие покосы, а иногда и овечьи пастбища поделены были в пределах кыстау между отдельными хозяйствами, и каждое из них распоряжалось своей долей на правах частной собственности. Далее, следующая категория пастбищ находилась в совместном пользовании 2–3 и более кыстау. Такая группа зимних поселений кыстау в статистической литературе получила название «общинно-аульной», представляющей последующую за кыстау поземельную единицу, бытовавшую у казахов-кочевников (Букейханов, 1910: 577–600).

Важные сведения о жизни кочевников Пресногорьковской волости содержатся в работе В. Михайлова «Киргизские степи Акмолинской области (по обследованию ветеринарных врачей)». Пресногорьковская волость Петропавловского уезда располагалась в северо-западной части Акмолинских степей. «Заселяющие эти места киргизы принадлежат к средней орде и делятся на восемь родов: Чайгузы, Матакан, Сиваны, Уваки, Кирей, Аргыны, Барджаксы и Кытаи. Каждый род, в свою очередь, делится на несколько отделений...». В административном отношении казахи уезда делились на 9 официальных аулов, которые подразделялись на небольшие родовые аулы. Их было 179, в них обитали 1216 кибитковладельцев (6852 души обоего пола). Сенокосные участки и озера были при этом строго распределены (Михайлов, 1893: 4–5).

Нередко владельцы одного и того же аула жили в различных концах волости. Казахи, как описывает В. Михайлов, жили отдельными группами в несколько семейств каждая, и эти группы носили также название аулов с прибавлением имени главы семьи, обыкновенно самого зажиточного, по утверждению автора, в этой группе ее члена. Далее, по сведениям источника, в большинстве случаев каждый владелец более или менее состоятельного хозяйства имел свой собственный аул, в состав которого входили несколько родственных семейств, менее обеспеченных. Нередко сюда примыкали и обедневшие члены общины – джатаки (букв. – «лежащие», т.е. неkochующие). Каждый состоятельный хозяин-казах стремился иметь вблизи зимовки определенную площадь для прокорма своего скота в течение зимы на подножном корму и известную часть сенокосных мест, которыми он мог бы свободно распоряжаться. В отношении пользования степью, как между административными аулами, так и родовыми не было никаких границ, но по обычному праву все зимовочные места, сенокосные участки и озера довольно строго были распределены. Общим достоянием кочевников оставались летовки, куда, по свидетельству автора, летом стекались казахи со всей волости (Михайлов, 1893: 5).

Как указывает В. Михайлов, главным и почти единственным занятием казахов Пресногорьковской волости являлось скотоводство. В источнике приведена таблица, судя по которой, больше всего в волости выращивали овец, затем коров, затем лошадей, коз и очень малое количество верблюдов. Каждый родовой аул в среднем состоял из 7-ми кибиток и 40 душ обоего пола, располагал пространством приблизительно в 2800 десятин, имел 51 лошадь, 54 рогатого скота, 1/4 верблюда, 90 овец и 20 козлов, а на каждого кибитковладельца в отдельности приходилось 7 душ семьи, 400 десятин земли, 7 лошадей, 8 рогатого скота, 12 овец и 3 козла (Михайлов, 1893: 17–18).

Автор дает описание хозяйственным аулам, состоящим из родовых аулов. Он приводит сведения о количестве кибиток и населения в каждом родовом ауле, о местах зимовок, описывая зимние поселения, и летних кочевков, о расстояниях между кочевьями, времени пребывания на них, сенокосах и др. Согласно В. Михайлову, петропавловские казахи сбывали часть скота для приобретения одежды, чая, сахара, муки, изделий из железа и т.д., а также для уплаты кибиточной подати и других повинностей на ярмарках по казахской Горькой линии. Автор указывает на широкое распространение в степи Акмолинской области ростовщичества (предоставления денег под расплату скотом и продуктами) как «на самую жестокую эксплуатацию киргиз». Этим занимались и богатые киргизы волости, скупая партии скота по дешевке и сбывая втридорога на ярмарках скотопромышленникам. Некоторое число бедняков-джатаков занималось выделыванием деревянной части юрты, кузнечным ремеслом и проч. В. Михайлов отмечает «попытки киргиз в земледелии» (Михайлов, 1893: 20–21).

Как уже было выше указано, особую группу источников по теме составляют материалы экспедиций, организованных и направленных царской администрацией в различные регионы Казахстана, начиная со второй половины 90-х годов XIX в. Результаты многолетних обследований

хозяйственно-экономической жизни казахов-кочевников, в особенности традиций землепользования в кочевой среде, проведенных этими экспедициями, были опубликованы в виде специальных изданий. По нашим подсчетам общее количество этих изданий по землепользованию у казахов-кочевников составляет 43 тома (а не 35 томов, как полагает ряд исследователей), состоящего из 44 книг («Материалов по киргизскому землепользованию», посвященных Чимкентскому уезду Сыр-Дарьинской области (Ташкент, 1910), представляющих две отдельно изданные объемные части). Изданные материалы экспедиций, как уже было сказано, организованных царской администрацией во второй половине XIX – первом десятилетии XX вв., содержали не только достаточно грамотно систематизированные статистические сведения, но и весьма серьезные аналитические материалы по таким ключевым показателям казахского социума, как «социальная структура», «отношения собственности» по поводу землепользования в кочевой среде, опосредованные собственностью на скот, «система жизнеобеспечения», «традиции (способы и стратегия) природопользования», «взаимоотношения с пришлым населением» (переселенцами), «динамика политической структуры кочевого социума в историческом контексте» и т.д. Эти теоретически значимые «блоки» – концепты выступают организующими началами в процессе изучения и извлечения необходимого объема историко-этнографической информации. Иначе говоря, организация и подача материалов с позиции этих концептов позволяет смоделировать основной механизм самоорганизации этнического коллектива кочевников, понимаемый как община-социум.

Казахстанский исследователь Т.П. Волкова, которая дает разностороннюю и глубокую оценку «Материалам по киргизскому землепользованию...», собранным, изученным и опубликованным группой ученых под руководством основоположника российской статистики Ф.А. Щербини, указывает на чрезвычайную ценность и уникальность этого исследования как источника по казаховедению. По мнению Т.П. Волковой, «Материалы...» восполняют скудость архивных источников, возникшей вследствие недостаточного развития делопроизводства в регионе в свое время и недостаточного комплектования архивных фондов. Казахстанский исследователь предупреждает о необходимости критического подхода к этому источнику, так как царское правительство, проводя статистические исследования Казахстана, стремилось «подвести «научную» базу под изъятие земель у коренного населения». Однако, благодаря Ф.А. Щербине, экспедиция расширила рамки своих задач, произведя разностороннее научное исследование казахского аула, его экономического и социального строения (Волкова, 1983: 225–226).

Казахстанский молодой исследователь Н.А. Тасилова, изучив биографию Ф.А. Щербини и других участников статистического обследования, указывает на увлечение в молодости многими из них народническими, демократическими идеями, за что и подвергались преследованиям со стороны властей. Возможно, именно поэтому в статьях, содержащихся в «Материалах...», мы обнаруживаем указания на неудовлетворительное состояние казахских хозяйств и противоположные ожиданиям царского правительства выводы о необходимости сохранить землевладение за кочевыми общинами (Тасилова, 2016: 11–12).

В советское время ученые вынуждены были высказывать сомнения в репрезентативности «Материалов...» вслед за В.И. Лениным: основатель советского государства критиковал Ф.А. Щербину за увлечение «средними величинами» в одной из своих статей. При этом, в частности, выдающийся советский казахский этнограф М.С. Муканов, указывая на «классовую» заинтересованность руководителя статистической экспедиции в изъятии земель у казахов, признает явную обеспокоенность рядом авторов «Материалов...» плачевным состоянием многих казахских хозяйств (Муканов, 1974: 18).

Рассмотрим вкратце сведения, которые дают нам «Материалы...» по организации социальной жизни в казахском ауле, его связям с родственной общиной и общей хозяйственной деятельностью.

Авторы «Омского уезда» (МКЗ. Т. XI) дают характеристику землепользованию общинно-аульных групп уезда, приводят сведения о совместном пользовании пастбищами и покосами. По их сведениям, основная масса родовых групп владела только зимними пастбищами, летовки же находились на площадях общего пользования. На некоторые угодья у омских казахов уже существовала личная собственность, другие же были в пользовании большего или меньшего числа хозяйств. Группа хозяйств, принадлежащая к одному роду, и владевшая территорией, называлась «одного отца дети» – «бир ата баласы» (прав. *бір ата балдары – авт.*) (Омский уезд, 1902: 32–33).

Призимовочные пастбища находились в полном распоряжении аула: без разрешения его никто не имел права не только передать свое право на пастбище постороннему, но даже перенести на другое место свою зимовку. В томе отмечается, что киргизы (т.е. казахи) начинают ссориться из-за земли. Каждый из аулов группы имел обособленный *койтебин* – пастбище для овец, ближайшие к усадьбам места, так называемые *атаркан*, т.е. площадь, которая может быть вытравлена лошастью, привязанную на аркан, *бзаужери* (телячье пастбище) и *биежери* (пастбище для дойных кобыл) (Омский уезд, 1902: 39–42). Ближайшие к зимовкам участки назывались *кара-малджер*, которые в свою очередь подвергались дроблению (Омский уезд, 1902: 46).

В большинстве случаев осенние пастбища находились в пределах территории, принадлежащей группе «бир ата балдары». По возвращении с летовки каждый аул шел на свою осеннюю стоянку. Хотя границ между соседями на осенних пастбищах не было, но пользование ими все-таки было

ограничено: без разрешения хозяина никто не имел права поставить свои юрты и пригнать скот к чужому водопою. Начинали намечаться и некоторые ограничения в праве пользования той или иной летовкой тоже небольшим числом родственных групп. В то же время в Атбасарском или Акмолинском уездах летовки оставались почти абсолютно свободными (Омский уезд, 1902: 42–44).

Характерная особенность омских казахов – это полное отсутствие джатаков (буков. «лежащий»), т.е. неkochующих. Не имеющие средств передвижения пользовались скотом и арбою более состоятельного родственника или всего аула; перекочевка аула с зимовки на джайлау совершалась в течение 2–3 дней. Такая кочевка, неизвестная южным казахам, кочующим за сотни верст, называлась *тасмал*. По приходе на летовку зимние аулы соединяются в более многочисленные группы, составляя летний аул – *котан*. Величина котана зависела, главным образом, от размера стад, так как хозяева, составляющие котан, сообща нанимали пастухов для разного вида скота или устанавливали очереди, если пастухи сами, без найма пастухов. Кроме пастбы скота, хозяева, составляющие котан, сообща чистили колодцы, строили или чинили плотины и т.д. Осенью, по возвращении к зимовкам, котан обыкновенно распадался, и зимние аулы стояли каждый на своем кузее, то есть осеннем пастбище, до тех пор, пока не настанет время переходить на зимовки (Омский уезд, 1902: 30–31).

Земледелие в уезде было развито весьма слабо, но по степени развития промысловой деятельности Омский уезд занимал первое место в ряду других Акмолинских уездов. Большинство промысловых занятий приходилось на сельскохозяйственные, лесные, добывающую промышленность и торговлю (Омский уезд, 1902: 64).

Казахское население Кустанайского уезда (расположенного также в северной части Казахской степи), как указывается в пятом томе «Материалов по киргизскому землепользованию», посвященному этому уезду, составляло пять крупных родов: Кирей, Аргын, Кипчак, Джагалбайлы и Джаппас. В томе авторы указывают на развитие земледелия у кустанайских казахов, потребление ими в значительном количестве хлеба, изменение в пищевой норме: понижение пропорций животной пищи и увеличение растительной. Также показаны изменения в составе стад: заметное увеличение рогатого скота, распространение стойлового содержания скота, с соответственной заготовкой сена, развитие извозного промысла (Кустанайский уезд, 1903: IV).

Авторы показывают, как на размер аула и кочевой общины влияло количество разводимого скота. У оседлых или полуседлых скотоводов главным препятствием для роста количества скота являлась ограниченность пастбищных и сенокосных угодий. У кочевников, кочующих круглый год, единственным тормозом увеличения скота служило возросшее до критических пределов отношение между числом скота и количеством населения (в рабочем возрасте). Размер кочевой стада (овец) также, отмечают авторы, ограничен самой природой. По показаниям кочевников-казахов седьмого старшинства Кентубской волости Перовского уезда, как указано в томе, кочевое овчье стадо не должно заключать в себе более 600 голов, в противном случае, при самых лучших пастбищных условиях, сзади идущие овцы плохо нагуливают жир. По этим причинам многоскотные аулы при переходах на более скудные пастбища разбивают свои стада на 2–3 части, причем и сам кочевой аул распадается на более мелкие группы. Иногда встречаются и случаи обратного характера, когда хорошие пастбищные условия позволяют нескольким аулам соединиться и составить одно стадо. Затем зимнее переносное помещение для кочевки овец, строящееся обыкновенно из разных мелких материалов в виде открытой (без крыши) загорожи, может давать тепло только тогда, когда в него могут вплотную поместиться только 600 голов, при увеличении размеров помещения оно уже плохо защищает от ветров и буранов (Кустанайский уезд, 1903: 11). Известный предел развитию крупного скотоводческого хозяйства, таким образом, создает нехватка рабочих рук, как считают авторы. Поэтому существует особая форма отношений между богатыми и бедными – обычай богатыми кочевниками отдавать часть своего скота на выпас менее состоятельным сородичам, которые за это пользуются шерстью, молоком и частью приплода взятого скота. Обычай этот, основанный на сознании обязанности помогать друг другу и на обоюдном доверии, – есть несомненный остаток (пережиток) от тех времен, когда скот и другое имущество состояли в общем пользовании рода (Кустанайский уезд, 1903: 12–13).

При административном обустройстве Казахской территории в 1967–1968 гг. русской администрацией были учтены способы кочевания казахского населения в различных регионах Степи, сохранены традиционные места обитания за родами и племенами, веками сложившиеся пути кочевков с одних пастбищ на другие, обычаи и традиции в землепользовании кочевых общин (Муканов, 1991: 16). К слову, нужно отметить значительный объем работы, проделанный царскими чиновниками и учеными при создании уездов в Крае.

В результате некоторые уезды в Казахской степи приобрели вытянутую по меридиану форму, так как наиболее распространенным способом кочевания казахов был меридиональный. Со временем стали складываться различия в хозяйствовании и социальном строе северных и южных кочевников в пределах одного такого уезда. Так, в Атбасарском уезде на одну северную общину уезда приходилось в среднем 5,65 аула или 44 хозяйства, на один аул почти – 8 хозяйств, а на одну же южную общину – 6,85 аулов или 28 хозяйств и на один аул – только 4 хозяйства. На севере мелкий скот, «карамал», зимою питался преимущественно сеном, поэтому там не было необходимости селиться друг от друга на большом расстоянии, как на юге. В южной части уезда скот и зимою находился на подножном

корму, что требовало дисперсного, рассеянного, расселения, чтобы не стеснять пастьбу скота (Атбасарский уезд, 1902: V).

Общины крайнего юга Атбасарского уезда представляли собой родовые группы, связанные общими кочевками. Аулы, входящие в группу, вместе кочевали на северные летовки, а в тех случаях, когда не имели зимних пастбищ, они вместе шли за пределы уезда на арендованные земли. Обыкновенно они платили за котан, т.е. за стадо овец размера, определяемого наибольшими удобствами выпаса на местности, и потом уже раскидывали плату между собой по количеству овец. В некоторых случаях на арендуемой земле скот всей группы пасся смешанно, но бывало, что пастьба производилась отдельно каждым аулом, который иногда даже имел свое обособленное пастбище или для всего скота, или для слабой его части (Атбасарский уезд, 1902: VI).

В земельных отношениях атбасарских казахов можно различать владение и пользование землею. Как указано в МКЗ, владение имеет место, когда дело идет о взаимных поземельных отношениях двух или нескольких групп, имеющих более или менее обособленные территории, а пользование, когда дело идет о земельных распорядках внутри группы, между ее членами (Атбасарский уезд, 1902: VII).

Авторы исследования также отмечают следующую особенность: чем сильнее выражен чисто скотоводческий кочевой характер хозяйства, тем меньшее число хозяйств прибегает к промыслам и заработкам, и наоборот. Из общего числа промысловых занятий атбасарцев приходится на батрачество – 33 %, затем на пастьбу скота – 26,9 %, косари, жнецы и пахари составляют 13,2 %, рыбаки и сапожники – по 7,1 % и т.д. Вообще же на сельскохозяйственные промыслы приходится почти $\frac{3}{4}$ всего числа промысловых занятий (72 %), на ремесленные и кустарные – $\frac{1}{10}$ (10,5 %), 5 % – на свободные профессии, 2 % – на торговые и прочие промыслы. В ряду других промыслов наиболее характерен извозный, имеющий значение если не по числу лиц, занятых им, то по количеству верблюдов, участвующих в перевозке (Атбасарский уезд, 1902: XXXIV).

Каркаралинский уезд, расположенный в центральной части Казахской степи, являлся одним из наиболее многоскотных, и, как отмечают авторы шестого тома «Материалов...», население продолжало широко придерживаться кочевого образа жизни, хотя и здесь происходили заметные перемены. В труде указывается, что для каркаралинских казахов характерна малая величина аула, так как здесь скот продовольствуется зимой главным образом подножным кормом, они предпочитают жить по 2–3 хозяйства, но зато весьма близко аул от аула. Одноаульцы обыкновенно являются близкими родственниками и связаны общностью хозяйственных интересов: аул имеет общих пастухов, почти всегда вместе кочует. Более состоятельные хозяева помогают кочевать менее состоятельным. Нередко аул связан общностью владения и пользования известными земельными угодьями. При этом аул не представляет собою обособленной земельной единицы, таковой является группа аулов, которой экспедиция присвоила название общинно-аульной группы (т.е. – *bir ata baldary*). Таких общинно-аульных групп в уезде насчитывалось 470; в их состав входил 4891 аул с 17762 хозяйствами, то есть на одну группу приходилось в среднем около 20,5 аулов и почти 38 хозяйств (Каркаралинский уезд, 1905: 19).

Согласно пообщинным таблицам, кочевка разных общин даже в пределах одного и того же района колебалась от нескольких верст до нескольких десятков и сотен верст. Длина кочевки находилась в прямой зависимости от многоскотности общин, требующей обширных пастбищ. При кочевании общины часто разбивались на части, причем аулы многоскотные шли на дальние джайлау, а малоскотные оставались на ближайших к территории общины пастбищах. В целом, кочевые пути значительно сокращались, по сравнению «со стариною». Видимо, в уезде было не редкостью в этот период, когда кочевка имела характер *тасмал*, т.е. имущество членов общины перевозилось обычно в два этапа, зачастую на телегах. Вызывалась такая кочевка недостатком скота и возможна была только на небольшое расстояние. Только лишь южные кочевники Каркаралинского, Акмолинского, Атбасарского уездов продолжали кочевать на верблюдах. Авторы отмечают наличие земельной тесноты (Каркаралинский уезд, 1905: 56).

Все казахское население Казалинского уезда, по сведениям «Материалов...», за исключением аула Сары-Тугайской волости, населенного кара-киргизами (дикокаменными), принадлежало к Малой орде – это роды: Чиекты (Шекті), Кете, Аспап (Аспан), Чуме-Кей (Шомекей), Алим (Әлім), Алтын с их подразделениями и коленами. В уезде хозяйственный аул представлял собой группу кибитковладельцев, кочующих совместно на зимних пастбищах. Каждый аул имел обособленные от других покосы и пашни и определенную часть степей, лежащих вблизи аула. С изменением формы хозяйственной жизни, с переходом к земледелию – изменился внешне и хозяйственный аул; вместо юрт появились постоянные жилые постройки – глинобитные мазанки, приспособленные для житья в зимнее время (зимовки). По числу жилых построек Казалинский уезд занимал одно из первых мест в Сыр-Дарьинской области, больше половины (57,7 %) всех обследованных хозяйств зарегистрировано как имеющие постройки (Казалинский уезд, 1913: 16–17).

Группа нескольких соседних аулов, пользующихся сообща пастбищами на призимовочной территории, составляла казахскую кочевую общину. Кроме общности хозяйственных интересов, аулы, входящие в состав общины, связаны были еще в большинстве случаев родством, происхождением от одного родоначальника. Занявшая известную территорию семья (или несколько семей), постепенно

увеличиваясь в своем составе, отделяла новые хозяйственные единицы, имеющие обособленные сенокосные угодья, а часто и пашни, сохраняя в то же время общность пользования пастбищами. Величина общины также была неодинакова и колебалась в зависимости от тех же самых причин, какие указаны для хозяйственного аула (Казалинский уезд, 1913: 19).

В группе кочующих общин подавляющее большинство (93,62 %) было простым, состоящим из одного хозяйственного аула. Эти общины не имели призимовочных территорий, а значит и площадей обособленного пользования, и группировались по кочевкам и по совместному пользованию пахотными землями, расположенными на площадях общего пользования (Казалинский уезд, 1913: 20). Чисто скотоводческое хозяйство в Казалинском уезде почти исчезло, уступив место хозяйству смешанного типа. Земледельческое население Казалинского уезда находилось, по выражению исследователей, на общинно-передельной стадии развития. Земледелие уже наложило некоторый отпечаток и на формы поселений, и на виды хозяйства и внесло новые представления и понятия в сферу поземельных отношений (Казалинский уезд, 1913: 29).

Хозяйство казахов Аулиеатинского уезда, согласно сведениям, изложенным в труде «Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Аулиеатинский уезд», в то время носило печать переходного периода. Чисто кочевое хозяйство, основанное на наличии свободных пастбищ, уже почти исчезло, уступив место смешанному земледельческо-скотоводческому типу. Замечающееся ослабление родовых связей постепенно влекло за собой ослабление старых форм общинного землепользования, создавая для отдельных хозяев немыслимую ранее возможность распоряжаться своим земельным наделом. Оседание на землю бедных и средних слоев казахов заставляло их устраивать постоянные зимовки с жильми постройками, и таким образом создавалась новая поселковая форма расселения (Аулиеатинский уезд, 1911: 75). Скотоводство, несмотря на оседание кочевников, все еще продолжало играть преобладающую роль в казахском хозяйстве (Аулиеатинский уезд, 1911: 65).

В Аулиеатинском уезде, где оседлость пустила глубокие корни, понятие о личной собственности было распространено уже довольно широко. Не только усадебные площади, но и значительная часть сенокосных угодий перешла в подворное пользование (Аулиеатинский уезд, 1911: 54). Пастбища зимнего отгона находились обычно в обособленном пользовании отдельных хозяйственных аулов. На площадях как находящихся в обособленном пользовании отдельных общин, так и общего пользования господствовали порядки общинно-родового уклада. Обычай установил за отдельными родовыми группами пользование определенными урочищами, но никаких границ между отдельными аулами и даже общинами при пастьбе не существовало, если не было естественных препятствий. На некоторых больших джайлау (летовках) общего пользования (по Сусамыру), где кочевали как казахи, так и кара-киргизы Сыр-Дарьинской, Ферганской и Семиреченской областей, сохранилось даже право первого захвата; но большей частью и там родовые группы занимали свои обычные стоянки (Аулиеатинский уезд, 1911: 59).

Чимкентскому уезду посвящены два тома МКЗ. В первом – описана юго-восточная часть уезда, во втором – остальная территория. Относительно юго-востока этого южного уезда Сыр-Дарьинской области указано, что группировка населения в большие общины не имеет смысла, так как сколь угодно значительных перекочетов чимкентские казахи в районе исследования не предпринимают. Самое дальнее расстояние, на которое местное население кочевало на летнее пастбище, не превышало и 30 верст. Большинство же хозяйств вовсе перестало кочевать (Чимкентский уезд, 1908: 36).

Чтобы земледельческой стороне хозяйства не наносилось ущерба, кочевавшие казахи в этом уезде вынуждены были содержать очень большое количество пастухов, как сообщают авторы. Подавляющее большинство общин пасло свой скот исключительно на призимовочной территории. Определенных границ между летними пастбищами и осенними не было. На летовках у каждого аула имелась определенная стоянка, скот же в большинстве случаев пастся вперемежку. Зимней пастьбы скота в районе почти не было, по свидетельству «Материалов...». Особенностью района исследования являлось отсутствие организации крупных стад. К зимнему отгону прибегали только многоскотные юртовладельцы, в том числе и скототорговцы. Для надзора за стадом овец, например в 400 голов, нанимали пастуха и еще одного работника. Чаще всего скот угоняли на Сыр-Дарью, в степь и в Аулиеатинский уезд. За зимние пастбища чимкентцы почти никогда не платили, так как скот выпасался на пастбищах у родственников (Чимкентский уезд, 1908: 47–48).

В северной части Чимкентского уезда мелкие аулы преобладали над средними и крупными. Хотя в некоторых районах Чимкентского уезда земледелие имело весьма существенное значение, тем не менее, скотоводство в целом преобладало, что подтверждается и числом кочующих хозяйств – 53,5 %, а не кочующих – 46,5 %. Хозяйственные аулы для удобства пользования, главным образом пастбищными угодьями, как и у всех кочевников, группировались в общины. Последние так же были неодинаковы по своему размеру, как и хозяйственные аулы. Величина общин точно так же, как и величина аулов, имела тесную связь с формами хозяйственной жизни населения (Чимкентский уезд, 1910: 64–65).

4. Заключение

Таким образом, с целью изучения вопроса был рассмотрен ряд источников – работ российских ученых, чиновников, путешественников и т.д. конца XIX – начала XX вв. Больше внимание было уделено исследованию «Материалов по киргизскому землепользованию...», которые являются уникальным материалом, дающим разносторонние сведения о жизни казахской кочевой общины. На их страницах представлены сведения о состоянии казахских аульных общин, их природной среде обитания, хозяйстве и происходящих в них изменениях. Участники экспедиций по Казахской степи, авторы «Материалов...» Ф.А. Щербина, П.П. Румянцев, П.А. Хворостанский, П.А. Скрыплев, Л.К. Чермак, Б.А. Скалов, А.Н. Бужейханов и мн. др., бесспорно, являлись высококвалифицированными специалистами в своем деле, выдающимися учеными своего времени, оставившими серьезное научное наследство. Так как экспедиции проводились с целью выявления «свободных» земель и наделения земельными участками русское переселенческое население, то для исследователей киргизского землепользования было важно установить именно систему землепользования и землевладения у казахских родов. Русские исследователи традиционно уделяли большое внимание хозяйственной деятельности казахов, социальной структуре казахского общества, особенностям жизни казахских общин, что сделало их работы бесценными источниками в области изучения казахского аула.

Внимательный анализ указанных видов источников позволяет сделать однозначный вывод о том, что именно в рамках кочевой общины институционально, идеологически, социокультурно, производственно-экономически и даже экологически обеспечивался необходимый уровень плотности и интенсивности различных типов и уровней социальных связей в кочевой среде, понимаемых как «технология» воспроизводства и регулирования жизнедеятельности и личности (общинного типа), и семья, и самой общины. То есть именно данная структура функционировала как главный социальный механизм перманентного воспроизводства и жизнеобеспечивающих условий, и средств, и самой жизнедеятельности номадов.

5. Благодарности

Статья выполнена в рамках реализации проекта грантового финансирования «Кочевая община казахов: контекст, структура, функции (XVIII – начало XX вв.)» (Республика Казахстан).

Литература

Ажигали, 2002 – Ажигали С.Е. Традиционная система скотоводческого поселения казахов (в историческом развитии) // *Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума*. Новосибирск, 2002. Т. 5. С. 143–190.

Ажигали, 2009 – Ажигали С.Е. О значении российских источников для казахской этнографии (из предисловия к изданию об обычаях и традициях казахов) / *Лавровский сборник: Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг.* СПб., 2009. С. 188–193.

Алимбай, 2018 – Алимбай Н. Семипоколенная экзогамная структура «жетиата» как община-социум (к проблеме о совпадении общины и рода у казахов-кочевников) // *Актуальные вопросы изучения историко-культурного наследия народов Евразии: Материалы международного XV Евразийского научного форума*. Астана, 2018. С. 46–53.

Бужейханов, 1910 – Бужейханов А.Н. Киргизы // *Формы национального движения в современных государствах*. (Под ред. А.Н. Костелянского). СПб., 1910. С. 577 – 600.

Волкова, 1983 – Волкова Т.П. Некоторые проблемы источниковедческого изучения материалов экспедиции Ф.А. Щербины // *Вопросы историографии Казахстана*. Алма-Ата, 1983. С. 225–237.

Курылев, 1998 – Курылев В.П. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: МАЭ РАН, 1998.

Масанов, 2011 – Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. Изд. 2-е, дополненное. Алматы, 2011.

Омский уезд, 1902 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. XI. Акмолинская область. Омский уезд. Омск, 1902.

Атбасарский уезд, 1902 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. II. Акмолинская область. Атбасарский уезд. Воронеж, 1902.

Кустанайский уезд, 1903 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. V. Тургайская область. Кустанайский уезд. Воронеж, 1903.

Каркаралинский уезд, 1905 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область. Т. VI. Каркаралинский уезд. СПб., 1905.

Чимкентский уезд, 1908 – Материалы по киргизскому землепользованию. Т. I. Сыр-Дарьинская область. Чимкентский уезд. Ташкент, 1908.

- Чимкентский уезд, 1910 – Материалы по киргизскому землепользованию. Т. II. Вып. 1. Сыр-Дарьинская область. Чимкентский уезд. Ташкент, 1910.
- Аулиеатинский уезд, 1911 – Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Аулиеатинский уезд. Ташкент, 1911.
- Казалинский уезд, 1913 – Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Казалинский уезд. Ташкент, 1913.
- Михайлов, 1893 – Михайлов В. Киргизские степи Акмолинской области (по обследованию ветеринарных врачей) // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1893. Кн. 15. Вып. 3. С. 1–24.
- Муканов, 1974 – Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974.
- Муканов, 1991 – Муканов М.С. Этническая территория казахов в XVIII – начале XX веков. Алма-Ата, 1991.
- Румянцев, 1910 – Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910.
- Тасилова, 2016 – Тасилова Н.А. «Материалы по киргизскому (казахскому) землепользованию...» как источник по истории Казахстана (конец XIX – начало XX веков). Алматы, 2016.
- Толыбеков, 1971 – Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971.

References

- Azhigali, 2002 – Azhigali, S.E. (2002). Tradicionnaya sistema skotovodcheskogo poseleniya kazahov (v istoricheskom razviti) [The traditional system of the cattle-breeding settlement of the Kazakhs (in historical development)]. *Ethnografo-arheologicheskie komplekсы. Problemy kul'tury i sociuma*. Novosibirsk. T. 5. pp. 143–190. [in Russian]
- Azhigali, 2009 – Azhigali, S.E. (2009). O znachenii rossijskikh istochnikov dlya kazahskoj ehtnografii (iz predisloviya k izdaniyu ob obyčajah i tradiciyah kazahov) [On the significance of Russian sources for Kazakh ethnography (from the preface to the publication on the customs and traditions of the Kazakhs)]. *Lavrovskij sbornik: Materialy XXXIII Sredneaziatsko-Kavkazskih chtenij 2008–2009 gg.* SPb. pp. 188–193. [in Russian]
- Alimbaj, 2018 – Alimbaj N. (2018). Semipokolennaya ehkzogamnaya struktura «zhetiata» kak obshchina-socium (k probleme o sovpadenii obshchiny i roda u kazahov-kochevnikov) [The seven-generation exogamous structure of the “zhetiata” as a community-society (on the problem of the coincidence of the community and kind of Kazakh nomads)]. Aktual'nye voprosy izucheniya istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Evrazii: Materialy mezhdunarodnogo XV Evrazijskogo nauchnogo foruma. Astana. pp. 46–53. [in Russian]
- Bukejhanov, 1910 – Bukejhanov A.N. (1910). Kirgizy // Formy nacional'nogo dvizheniya v sovremennyh gosudarstvah [Forms of the national movement in modern states]. (Pod red. A.N. Kostelyanskogo). SPb. pp. 577–600. [in Russian]
- Volkova, 1983 – Volkova T.P. (1983). Nekotorye problemy istochnikovedcheskogo izucheniya materialov ehkspedicii F.A. Shcherbiny [Some problems of the source study of the materials of the expedition of F.A. Shcherbiny]. *Voprosy istoriografii Kazahstana*. Alma-Ata, 1983. pp. 225–237. [in Russian]
- Kurylev, 1998 – Kurylev V.P. (1998). Skot, zemlya, obshchina u kochevyh i polukochevyh kazahov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Cattle, land, community of nomadic and semi-nomadic Kazakhs (second half of XIX – early XX century)]. SPb.: MAE RAN.
- Masanov, 2011 – Masanov N.E. (2011). Kochevaya civilizaciya kazahov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva [The nomadic civilization of the Kazakhs: the basics of life of a nomad society]. Izd. 2-e, dopolnennoe. Almaty.
- Omskij uезд, 1902 – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ehkspediciy po issledovaniyu stepnyh oblastej [Materials on Kyrgyz land use collected and developed by the expedition to explore the steppe areas]. T. XI. Akmolinskaya oblast'. Omskij uезд. Omsk, 1902.
- Atbasarskij uезд, 1902 – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ehkspediciy po issledovaniyu stepnyh oblastej [Materials on Kyrgyz land use, collected and developed by the expedition to explore the steppe areas]. T. II. Akmolinskaya oblast'. Atbasarskij uезд. Voronezh, 1902.
- Kustanajskij uезд, 1903 – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ehkspediciy po issledovaniyu stepnyh oblastej [Materials on Kyrgyz land use collected and developed by the expedition to explore the steppe areas]. T. V. Turgajskaya oblast'. Kustanajskij uезд. Voronezh, 1903.
- Karkaralinskij uезд, 1905 – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ehkspediciy po issledovaniyu stepnyh oblastej [Materials on Kyrgyz land use collected and developed by the expedition to explore the steppe areas]. Semipalatinskaya oblast'. T. VI. Karkaralinskij uезд. SPb., 1905.
- Chimkentskij uезд, 1908 – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu [Materials on Kyrgyz land use]. T. I. Syr-Dar'inskaya oblast'. Chimkentskij uезд. Tashkent, 1908.
- Chimkentskij uезд, 1910 – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu [Materials on Kyrgyz land use]. T. II, vyp. 1. Syr-Dar'inskaya oblast'. Chimkentskij uезд. Tashkent, 1910.

Aulieatinskij uezd, 1911 – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu. Syr-Dar'inskaya oblast' [Materials on Kyrgyz land use. Syr-Darya region. Aulieatin County]. Aulieatinskij uezd. Tashkent.

Kazalinskij uezd, 1913 – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu [Materials on Kyrgyz land use]. Syr-Dar'inskaya oblast'. Kazalinskij uezd. Tashkent, 1913.

Mihajlov, 1893 – *Mihajlov V.* (1893). Kirgizskie stepi Akmolinskoj oblasti (po obsledovaniyu veterinarnyh vrachej) [Kirgiz steppes of the Akmola region (according to a veterinary examination)]. Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1893. Kn. 15. Vyp. 3. pp. 1–24. [in Russian]

Mukanov, 1974 – *Mukanov M.S.* (1974). Ethnicheskij sostav i rasselenie kazahov Srednego zhuzha [Ethnic composition and resettlement of the Kazakhs of the Middle Zhuz]. Alma-Ata.

Mukanov, 1991 – *Mukanov M.S.* (1991). Ethnicheskaya territoriya kazahov v XVIII – nachale XX vekov [The ethnic territory of the Kazakhs in the XVIII – early XX centuries]. Alma-Ata.

Rumyancev, 1910 – *Rumyancev P.P.* (1910). Kirgizskij narod v proshlom i nastoyaschem [Kyrgyz people in the past and present]. SPb. [in Russian]

Tasilova, 2016 – *Tasilova N.A.* (2016). «Materialy po kirgizskomu (kazahskomu) zemlepol'zovaniyu...» kak istochnik po istorii Kazakhstana (konec XIX – nachalo XX vekov) [“Materials on Kyrgyz (Kazakh) land use ...” as a source on the history of Kazakhstan (late XIX – early XX centuries)]. Almaty, 2016. [in Russian]

Tolybekov, 1971 – *Tolybekov S.E.* (1971). Kochevoe obshchestvo kazahov v XVII – nachale XX veka. Politiko-ehkonomicheskij analiz [Nomadic Kazakh society in the XVII – early XX century. Political and economic analysis]. Alma-Ata. [in Russian]

Традиционный казахский аул в трудах российских ученых (конец XIX – начало XX вв.)

Алимбай Нурсан^а, Орынбаева Гульмира Усенбаевна^а

^аЦентральный государственный музей, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Казахстан

Аннотация. Традиционный казахский аул в условиях кочевого образа жизни функционировал в качестве основного структурообразующего «блока» общины – основной формы самоорганизации этноса, процесса воспроизводства условий и средств к нормальному существованию в доиндустриальном обществе. Непревзойденными источниками по изучению традиционного казахского аула, его хозяйственной, социальной и культурной жизни являются исследования дореволюционных российских авторов – ученых, государственных деятелей, чиновников и т.д. Эти труды, написанные высококлассными специалистами своего времени, дают разнообразные и чрезвычайно важные сведения, помогающие современным историкам восстановить картину жизни кочевых и полукочевых казахов в тот пореформенный период (конец XIX – начало XX вв.). При этом наиболее репрезентативными источниками, дающими полное представление о жизни кочевого аула у казахов, являются, бесспорно, опубликованные итоги работ статистических комиссий, исследовавших территорию Казахстана («Материалы по киргизскому землепользованию...» и др.). Поэтому большее внимание было уделено именно этой группе источников. Изданные материалы экспедиций, организованных царской администрацией во второй половине XIX – первом десятилетии XX вв., содержат достаточно грамотно систематизированные статистические сведения и весьма серьезные аналитические материалы по таким ключевым показателям казахского социума, как «социальная структура», «отношения собственности», землепользование в кочевой среде, опосредованные собственностью на скот, «система жизнеобеспечения», «традиции (способы и стратегия) природопользования», «взаимоотношения с пришлым населением» (переселенцами), «динамика политической структуры кочевого социума в историческом контексте» и т.д.

Ключевые слова: российские источники, «Материалы по киргизскому землепользованию», казахи, кочевое скотоводство, земледелие, промыслы, уезды, изменения.

^а Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: orinbaevag@mail.ru (А. Нурсан)

050026, Республика Казахстан
Алматы қ., Бөгенбай батыр көш., 221
Тел.: +7 (727) 378-05-09
Email: info@ncste.kz http://www.ncste.kz
dir@inti.kz

050026, Республика Казахстан
г. Алматы, ул. Бөгенбай батыра, 221
Тел.: +7 (727) 378-05-09
Email: info@ncste.kz http://www.ncste.kz
dir@inti.kz

Исх №: 2204/10-05
« 20 » 05 2019

Институт истории и
этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова

На № 354
от 17.05.2019 г.

АО «Национальный центр государственной научно-технической экспертизы» предоставляет информацию о наличии публикации кандидата исторических наук, доцента **Алимбай Нурсана** в журнале «**Bylye Gody**» (Russian Federation), ISSN 2073-9745, входящем в базу данных **Scopus** с 2012 года по настоящее время. **CiteScore** 2017 года равен **0,28**. Предметная область – **искусство и гуманитарные науки: история; социальные науки: политическая наука и международные отношения.**

Статья **Алимбай Н.:**

Alimbay N., Orynbayeva G.U. Kazakh traditional village in the works of Russian Scientists (late XIX – early XX century) // Bylye Gody. – 2019. – V. 51. – Iss. 1. – P. 337-347.

Статья выявлена в базе **Scopus**.

Вице-президент

Л. Абубакирова

Буркитбаев Ж.
8 (727) 378-08-35